

Непредсказуемое прошлое. Казалось бы, так говорить нельзя, некорректно: ведь прошлое не подвластно даже Богу... Однако минувшее выглядит необычайно разным в трудах многих историков, писателей, политиков и мемуаристов. Они пишут и говорят, часто фальсифицируя и тенденциозно освещая происшедшее по разным мотивам, превращая историю, по образному выражению исследователей истории России 20-х годов, в политику, опрокинутую в прошлое. Это особенно проявилось среди исследователей советской истории страны. Настолько, что Ю.А. Поляков, один из представителей последних, всерьез назвал свою книгу об этом – «Наше непредсказуемое прошлое». А С.И. Романовский продолжает утверждать, что «сегодняшняя политика – это рычаги современной истории. Историю вообще невозможно оторвать от политики, поскольку она ни что иное, как аккумулятор политики»¹. Таким образом, многовековой спор о том, является ли история такой же наукой как многие естественные², сменился утверждением об определяющей роли политики в ее развитии. Так ли это? Ведь невозможно представить себе исследователей единомыслящей массой. Во всякие времена и среди историков находились те, кто шел своим путем, вырабатывая свою методику и направление поиска истины.

К последним я бы по праву отнес С.М. Каштанова. Разумеется, мои заметки о нем – субъективны. Это мой школьный друг. Мы с ним вместе сидели за одной партой в казанской мужской школе № 2 на Левобулачной улице. Тогда кто-то из учителей, перепутав его фамилию, вызвал к доске Кувшинова, и с тех пор Каштанов стал для одноклассников «Кувшином», teacher назвала меня вместо Литвин – Between, и я остался под таким именем для нашего класса (и сейчас часто мы называем друг друга старыми прозвищами, ведь кроме нас так уже никто не окликнет). Я часто бывал у него дома и знал не только его родителей и сестру Лиду, но, наверное, и почти всех родственников, как и он моих. Мы часто ходили друг к другу и обязательно на улице Баумана, когда были деньги, лакомились вафельными трубочками с кремом (и сейчас уверены, что более вкусного никогда не пробовали). У нас была очень хорошая учительница истории – Ольга Михайловна Николаева, человек с тяжелой судьбой (муж был репрессирован, она исключена из аспирантуры). Для нее исторический процесс был подчинен логике советских учебников, но она многое знала, интересно рассказывала и требовала от учеников своих ответов на вопросы, пробуждая тем самым интерес к историческим проблемам. Литературу вела добрейшая Анна Сергеевна Петрова, особенно привечавшая Каштанова за его способность (единственного в классе) написать сочинение стихами... Весьма колоритен был и учитель химии Петр Васильевич Мартынов, любивший образные выражения и часто называвший нас «зверями африканскими, позорящими матушку-школу»...

После 8-го класса я был вынужден уйти из школы и поступить в техникум, а потом закончить школу рабочей молодежи (материальное положение семьи было таково, что нужно было получать стипендию и работать), но на выпускном вечере класса был по приглашению Каштанова и слушал напутственную речь химика о том, что можно учиться в нескольких вузах и много раз жениться, но школу заканчивают единожды...

Во время учебы в техникуме работал драматический кружок. По моему приглашению Сережа активно участвовал в его работе, и я помню сколь блестящ он был в исполнении главной роли мольеровского «Мещанина во дворянстве»...

После окончания школы, так совпало, Михаила Филипповича Каштанова, отца Сережи, военнослужащего, перевели в Москву. Сережа поступил в Историко-архивный институт. Мы регулярно переписывались и иногда навещали друг друга. Он ввел меня в круг своих московских друзей и учителей, я познакомил его со многими казанцами. Наша школьная дружба никогда не омрачалась, она продолжается до сих пор.

О научном значении его работ написано и еще будет написано специалистами немало, о нем как учителе расскажут его ученики. Он учился у многих блестящих преподавателей Историко-архивного института начала 1950-х годов, но Учитель у него был один – Александр Александрович Зимин (1920-1980). Каштанов познакомил меня с ним и его семьей, и я считал и сейчас считаю за честь называть себя его другом и почитателем (первое что я сделал, став заведующим кафедрой историографии и источниковедения Казанского государственного университета – это поместил портрет А.А. Зимина на видном месте кафедрального кабинета.

Этот портрет находится там и поныне). Как-то будучи в гостях у Зимина я спросил его, в чем он видит различие между его методом написания работ и методикой Каштанова (это было вскоре после защиты Сережей докторской диссертации в 1968 г.). Он ответил: «Сережа уже давно независим от моей методики». И пояснил: «Вот видите на столе цветную расписную скатерть? На ней треугольники и квадратики. Я бы так и написал. Для Каштанова этого мало. Ему нужно знать состав краски, одинаков ли он на всей скатерти. Сколько на ней треугольников и квадратов, не разнятся ли в них углы наклона и т.д.». На мой следующий вопрос, насколько эти детали изменят общее представление об этой скатерти, Зимин ответил, что для него вряд ли, но для Каштанова они существенны, и без этого он не может.

Давно известно, что историю пишут победители, те, кто пришел к власти, кто готов всячески оправдать время своего правления, восславить созданный ими режим. Историю пишут и побежденные. Достаточно ознакомиться с написанным белыми генералами, многими эмигрантами, чтобы убедиться в неприятии побежденных к победителям, в той ненависти друг к другу, которой наполнены произведения тех и других. Субъективизм не способствует познанию истины, которую никаким декретом установить невозможно. Но историю пишут и такие «нейтралы» как Каштанов, никогда не состоявший ни в комсомоле, ни в КПСС. Он связан со страной ее историей, архивами, научной проблематикой, но служит мировой науке, для которой нет границ. В статье, посвященной памяти Зимина, Каштанов в качестве одной из побудительных причин, заставивших его учителя начать пересмотр традиционной датировки появления «Слова о полку Игореве», цитирует слова А.А. о том, что ему «надоело врать». И я его вполне понимаю, так как длительное время занимался историей Гражданской войны в России и, как оказалось многого не знал и не о том писал. У меня есть почти все подаренные мне работы Каштанова. Он не брался за столь рискованные темы, как его учитель, поставивший под сомнение подлинность «Слова...», но ему не нужно и употреблять этого выражения «надоело врать». Он всегда писал то, что думал, что мог аргументировать, анализируя многочисленные источники...

Говорят, что история – наука социального заказа. Подобный заказ существует издавна и во многих странах. Ему в значительной степени обязана своим появлением атомная бомба и многие новейшие технологии. Но для историков это, чаще всего, политический заказ власть имущих и связан он с «переписыванием» истории. Такое характерно для прикладной, обслуживающей «нужный» режим науки, покинувшей фундаментальное ложе, более свойственной ее развитию. Естественным завершением этого процесса в новейшей истории России была отмена школьных экзаменов по истории в 1988 г. (старые учебники власть посчитала негодными, а новые еще не были созданы), общий кризис отечественной исторической науки. Британский профессор Р. Дэвис поместил на обложке своей книги о советской исторической науке при Горбачеве (London, 1989) карикатуру, на которой ученик спрашивал учительницу как ему отвечать: по учебнику или как было на самом деле? Можно только позавидовать такому ученику, знавшему то, чего нет в учебнике, а, главное, полагавшему, что истина вне его изложения.

Историки восприняли либеральные идеи конца 1980-х – начала 1990-х с надеждой. Но вскоре наступило разочарование появившимися новыми мифами о «благодности» царистской России и только жестокости и никчемности советской. Скоро стало ясно, что российскую историю нельзя делить на отдельные части, ни одна из них не начиналась с «чистого листа», также и советскую невозможно подразделить на «ленинскую и сталинскую», а современную – на «горбачевскую, ельцинскую и путинскую». Это история одной страны и ее многих народов.

XX век был необычайно сложен для развития российского общества и исторической науки. В течение ста лет Россия пережила четыре формы государственного устройства: монархия, республика (1917 г.), советский строй, парламентская республика с сильной президентской властью. Ее название на политических картах мира изменялось пять раз: Российская империя (до 1917 г.), Российская республика (1917 г.), РСФСР (1918-1922 гг.), СССР (1922-1991 гг.), Российская Федерация, Россия (с 1993 г.). Одно поколение людей в течение своей жизни исполняло четыре разных государственных гимна: «Боже, царя храни...» (до 1917 г.), «Марсельеза» (1917 г.), «Интернационал» (1918-1944 гг.), «Союз нерушимый...» (1944-1991 гг.), «песню без слов» на музыку М. Глинки (с 1993 г.), в 2000 г. нас вновь вернули к советскому гимну с несколько измененными словами его текста...

Значительная часть историков всегда была готова обслуживать существующий строй. Примечательным стало и то, что многие апологеты и приверженцы «единственно верного учения» в начале 1990-х годов превратились в его наиболее оголтелых критиков и разоблачителей. Они научились выполнять социально-политический заказ, тем более, что свалившаяся на головы советских людей с конца 1980-х годов разоблачительная информация была в значительной степени ими востребована.

Распад СССР произошел в невиданном доселе темпе. За считанные годы стало исчезать многое из того, что веками составляло сущность Российской империи: огромные территории, вертикаль власти, стремление к государственному единomyслию, выдававшемуся за «национальную идею». Распад огромного имперского государства обострил амбиции национальных элит и, к сожалению, стимулировал рост межнациональной розни.

В новых условиях, когда идеологическая цензура сменилась экономической, историки стали обновлять свой методологический арсенал, который зачастую опять-таки стал служить новым политическим заказам центральной и местных властей. В результате выяснились, что «советское прошлое» до сих пор не является прошлым. Его оценки историками и населением разноречивы. 21 декабря 1999 г. поклонники Сталина отмечали 120 лет со дня рождения своего вождя. Опрос, проведенный социологами Всероссийского центра изучения общественного мнения накануне этого события, показал, что 32% российских граждан считают Сталина тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей. Ровно столько же – 32% – россиян полагают, что только благодаря Сталину советский народ победил фашизм в войне 1941-1945 гг. На вопрос: «Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок», – утвердительно ответили 18% опрошенных. Оценивая в целом историческую роль Сталина, 22% участников опроса ответили, что его правление принесло России «только хорошее или больше хорошего, чем плохого»; 44% россиян думают, что сталинские времена дали стране «в равной мере и хорошее, и плохое»; «больше плохого, чем хорошего или только плохое», – сказали 25% респондентов³.

Ныне живет миф о Сталине «великом и ужасном», умевшим наводить страх не только на народы своей страны, но и весь мир. Мне ближе высказывание Анны Ахматовой, которая приходила в ярость, когда говорили о величии Сталина – государственного деятеля: «Это все равно что сказать – да, этот человек был людоедом, но нельзя не признать, что он прекрасно играл на скрипке». Это эмоциональное заключение, но следует признать, что научного объяснения сталинского феномена, несмотря на обилие противоположной во взглядах на проблему литературы, пока нет. И когда историки еще в конце 1980-х годов вопрошали: Сталин умер вчера? – можно ответить, – нет, он жив еще и сегодня... Можно даже сказать, что для многих историков он и его идеи вообще никогда не умирали...

В конце июля – начале августа 2000 г. в Тампере (Финляндия) состоялся VI международный конгресс историков, изучающих проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Одна из секций конгресса объединила всех интересующихся историей сталинизма и долгосрочным идеологическим воздействием на население главного исторического труда той эпохи – краткого курса «Истории ВКП(б)». Выступавшие на этой секции российские историки из Москвы, С.-Петербурга, Казани, Новосибирска были единодушны в оценке этой книги, которая полвека эффективно использовалась властями для обоснования коммунистической «картины будущего», для насаждения единомыслия в исторической науке, защиты нужных правителям концепций от других, существовавших в мире социалистических идей. Выступавшие на этой секции историки, проанализировав современную массовую историческую литературу, в том числе и учебники для средней школы и вузов России, разбив ее в соответствии со структурой «Краткого курса», пришли к выводу, что эти книги, особенно учебники, почти без изменений воспроизводят структуру, проблематику и даже стилистику «Краткого курса». Более того, «либерально-демократическая» версия изложения прошлого, доминировавшая в конце 1980-х – начале 1990-х годов, стала вытесняться «государственно-патриотической», во многом повторяющей концепцию «Краткого курса». Разница лишь в зеркальной противоположности оценок: от негативно-критического взгляда на монархию и церковь к их апологетике⁴ и т.д.

Разброс мнений о недавнем прошлом не может не востребовать социально ориентированную литературу с его оправданием или осуждением. Потому издаются книги, которые стыдно читать за их панегирик советской трагедии⁵, которой стали репрессии против миллионов невинных людей. Их авторы пытаются обосновать необходимость карательных акций важностью модернизации экономики страны, ликвидацией оппозиции режиму и т.д. и убеждены, что «благая» цель оправдывает жестокие, ужасные средства ее достижения. У них патологическая неприязнь ко всем и вся, кто сомневается в правильности сталинской модели социализма, их не интересует, почему «теоретический рай» был превращен в «кошмарный ад» (В.Г. Короленко). Разумеется, продолжают издаваться и работы с критикой действий большевистских вождей и преступных деяний коммунистов. К последним следует отнести и переведенную с французского языка «Черную книгу коммунизма»⁶. В ней собраны данные о преступлениях коммунистов, пришедших к власти в разных странах мира, в том числе и в СССР. Н. Верт, автор очерка о репрессивной политике большевиков в России, не претендует «на новое освещение фактического материала». Действительно, факты, названные им, достаточно известны, но собранные воедино и хронологически выстроенные, они воспроизводят ужасающую картину уничтожения государством своих сограждан. Он приходил к выводу о том, что само молчаливое общество, давшее тысячи исполнителей преступных приказов, также повинно в происшедшем. Об этом же написал во вступлении к этой книге и А.Н. Яковлев: «Все мы – вольно или невольно, прямо или косвенно, – но были соучастниками или молчаливыми свидетелями сотворенного Зла. Рано или поздно, но всем нам не избежать покаяния»⁷. При подобных выводах как-то забывается, что коллективная вина не снимает индивидуальной. Все в ответе за преступления большевистского режима быть не могут по той простой причине, что миллионы людей стали его жертвами. В чем и перед кем им каяться?

Попытки как-то оправдать преступников против человечества не нова. Таковые предпринимаются и в защиту тех нацистов, кто был после Второй мировой войны осужден Нюрнбергским международным трибуналом. Мотивы «защиты» известны: осужденные выполняли приказы фюрера, укрепляли государство, в котором тогда жили и т.д. Отдельные российские историки даже поставили вопрос о пределах исторической «реабилитации» руководителей советских карательных органов 1930-х – 40-х годов. Они аргументировали свою позицию тем, что эти руководители были осуждены по политическим, а не уголовным мотивам, потому сами обвинения против них, завершившиеся расстрелом, не подтверждены правовыми доказательствами. Действительно, нет и не было документальных свидетельств того, что Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов и Л.П. Берия были «английскими шпионами». А ведь это вменялось им в вину.

4 февраля 1988 г. Пленум Верховного суда СССР завершил реабилитацию всех осужденных по приговору 12 марта 1938 г., за исключением Ягоды. В приговоре 1938 г. Ягода, бывший глава ОГПУ-НКВД, наряду с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими обвинялся в организации убийства С.М. Кирова, смерти М. Горького, покушения на Ежова. Прокурорская проверка быстро установила фальсификацию показаний арестованных, применение к ним физических мер воздействия (пытки), то, что сотрудники НКВД, ведшие следствие, сами были в 1939-1940 гг. осуждены за грубые служебные проступки. Было установлено, что ни один из обвиняемых никаких связей с иностранными спецслужбами не имел, нет доказательств и об их причастности к названным в приговоре 1938 г. террористическим актам. Прокуратура провела повторную судебно-медицинскую экспертизу, которая подтвердила, что смерть Горького, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева наступила в результате тяжелых хронических заболеваний; нет доказательств и об умышленном умерщвлении сына Горького – М.А. Пешкова (хотя споры о том, свою ли смертью умерли Горький и его сын, или им «помогли» умереть продолжают до сих пор). Естественен вопрос: почему не реабилитирован Ягода? Ведь он не совершил тех преступлений, за которые его судили и расстреляли в 1938 году. Наверное, было бы справедливо снять с него надуманные обвинения судебного процесса 1938 г. и заявить об отсутствии по приговору состава преступления. Ягоду нельзя реабилитировать по другим мотивам. Следует признать советский народ, потерявший не менее 10% своей численности в результате репрессивных действий тоталитарного режима, частью человечества и рассматривать преступления против него как преступление против человечества, не распространяя срок давности на тех, кто в таковых участвовал. Именно за преступления против человечества надо судить таких палачей как Ягода, Ежов, Берия и их подручных, а также то политическое руководство страны, которое тогда инициировало и

санкционировало казни невинных сограждан. Для них не может быть никаких пределов исторической и юридической реабилитации, как и для нацистских преступников.

Преступные приказы, указы, распоряжения, внесудебные приговоры, легально разрешенные пытки, 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР, воспринимались в то время как «социалистическая законность». Заметим, что Берия в 1939-1940-х годах вел кампанию «борьбы с ежовщиной», арестовывая и расстреливая сотрудников НКВД также за «нарушения социалистической законности». Это не помешало ему и его окружению продолжить бесконтрольную, преступную расправу над миллионами невинных людей. Не вносит ясности в этот вопрос и статья закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». В ней говорится о том, что не подлежат реабилитации лица, совершившие преступления против правосудия. Какого правосудия? Лица, совершавшие преступления против невинных людей в советское время, действовали на основании законов неправового государства той поры. Поэтому в осуждении против человечества нуждаются не только те, кто совершил преступления, но и сама система «социалистической законности», позволившая их совершать. Ответственность за жертвы террора несут все, кто в этом участвовал, но степень ответственности разная. Реабилитация означала признание пагубности системы, раскрывала ее «тайны», показывала возможность реформирования, но не осуждения в целом. Правовой вакуум позволяет вновь ставить вопрос об отдельном «Нюрнберге» для осуждения преступлений советского режима. Пока этого не произошло, происходит обратное – попытка реабилитировать создателей и руководителей ГУЛАГа. Заметим, что речь идет только об исполнителях преступных приказов, а не об их авторах (заказчиках), политических вдохновителях репрессий, которые в уголовном порядке не осуждены и вопрос о реабилитации которых потому даже не ставится.

28 апреля 1998 г. «Известия» сообщили о пересмотре дела главы МГБ в 1946-1951 гг. генерала В.С. Абакумова, расстрелянного в декабре 1954 г. Разумеется, он не был «изменником родины» и не совершал террористических актов против советских вождей, о чем говорилось в обвинительном приговоре. Поэтому в 1994 г. ему перекалвалифицировали (посмертно) статью приговора, а в 1998 г. приговор расстрелять заменили на 25 лет тюремного заключения. Теперь Абакумов из государственного преступника превратился в чиновника, который лишь «злоупотреблял властью». Но от этого число свершенных им преступлений не уменьшилось. Ведь он во многом повинен в создании «ленинградского дела» (1949 г.), гибели многих людей.

Прецедент пересмотра обвинений был создан. 4 июня 1998 г. Военная коллегия Верховного суда России начала рассмотрение дела бывшего наркома НКВД Н.И. Ежова, расстрелянного 4 февраля 1940 г. в Москве за измену родине, вредительство, шпионаж и т.д. Причем, произошло это по заявлению приемной дочери Ежова. Опять-таки сразу стало ясно, что Ежов не был агентом польской и германской разведок, что он не готовил государственного переворота и не занимался подрывной деятельностью, как об этом говорилось в обвинительном приговоре. В следственном деле Ежова сохранился пакет, в котором хранились завернутые в три бумажки пули из пистолетов «наган» и «кольт», которыми были убиты бывшие партийные деятели, сподвижники Ленина – Г.И. Зиновьев, Л.Б. Каменев и И.Н. Смирнов. Следственные документы свидетельствовали – Ежов признался «во всем», даже в том, что был «педерастом», а покончившая жизнь самоубийством его вторая жена Евгения Фейгенберг – любовницей писателей Исаака Бабеля и Михаила Шолохова. Дополнительное расследование, предпринятое прокуратурой в связи с пересмотром дела Ежова, составило целый том, где собраны документы о страшном геноциде сограждан, осуществляемом НКВД под руководством Ежова. По справке, составленной НКВД, в 1937 г. расстреливали каждого третьего арестованного... Военная коллегия Ежова реабилитировать отказалась, хотя и отменила обвинения в его адрес в шпионаже. В мае 1998 г. российская пресса сообщала о возможной реабилитации Л.П. Берия. И его реабилитация не состоялась. Однако тенденции как-то обелить даже самые мрачные страницы прошлого остались. Поэтому понятен был пессимизм старого советского политзека Льва Разгона, который незадолго до своей кончины прокомментировал происходящее так: российское государство не заинтересовано в восстановлении исторической правды и вся надежда на тех, кто сейчас пошел в первый класс...

Прошлое оказалось одним из трудноодолимых препятствий на пути демократических преобразований в стране. Его жизненность не только в том, что есть люди сохранившие верность коммунистической идее и ее сталинской интерпретации. Или в крайности оценок происшедшего, столь долго прививавшимся людям в советское время: красные – белые, за нас – против нас, либо по революционной «Варшавянке» – «отряхнем его прах с наших ног». Все сложнее потому, что коррупция, лживость глубоко вошли в жизнь, стали привычным явлением, не осуждаемым и рядом исследователей прошлого.

Прошлое проявляет себя в современной России по-разному. Достаточно ознакомиться с журнальным вариантом обсуждения проблемы: «Советское прошлое: Поиски понимания»⁸, чтобы убедиться в этом. Переписывание советской истории продолжалось все годы ее существования. Чрезвычайные задачи, осуществляемые властью часто с помощью карательных мер, требовали установления жесткого единомыслия, при котором главным было мнение вождя. В.А. Малышев, один из сталинских наркомов, записал в дневнике изречение генералиссимуса: «У нас в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, а есть взгляды партии»⁹. Разумеется, Сталин был уверен, что его мнение и есть мнение партии. Главное, что произошло в России в начале 1990-х годов было связано с отменой «партийной точки зрения» и появление «личной точки зрения» каждого, возникновение альтернативных взглядов историков на прошлое и их безбоязненное высказывание.

В этой связи интересны признания питерского историка Б.Н. Миронова, автора двухтомника о социальной истории России периода империи. Он писал, что желание написать такую книгу возникло у него давно, но до 1990-х годов такое носило «платонический характер». Теперь же для историка в России, по его мнению, «вновь наступило время писать о том, что он считает важным, и так, как представляется ему правильным». Появилась возможность провести «самостоятельное исследование так, как делали наши зарубежные коллеги: не опасаясь ни рецензентов, ни редакторов, ни цензуры, ни, что не менее важно, самоцензуры»¹⁰.

Свобода в выборе проблематики исследования в эти годы была облегчена возможностью отхода от «единственно верного учения» (так длительное время в СССР называли марксизм-ленинизм). У российских историков появилась возможность критиковать, сомневаться в правильности выводов Маркса и Ленина, решений многочисленных съездов КПСС, что, конечно, способствовало развитию демократических принципов в исторических исследованиях.

Важным явлением этого времени стало быстрое вхождение российских историков в мировую тематику. Разумеется, ссылки на зарубежную литературу в работах советских историков, особенно занимавшихся дореволюционными проблемами России, были всегда. (Я имею ввиду позитивные оценки трудов западных коллег). Так, С.М. Каштанов в работе о русской дипломатике писал о влиянии на А.С. Лаппо-Данилевского немецкого источниковеда Ю. Фиккера и отмечал значение для своего исследования работ Г. Алефа, Х. Дьюи, Д. Кипа и др. Ю.Н. Афанасьев, прошедший научную стажировку в Сорбонне (Париж), посвятил свою книгу школе «Анналов»¹¹. Ныне Б.Н. Миронов заявляет об этом просто: «я стремился написать социальную историю императорской России, опираясь на достижения зарубежной, прежде всего американской историографии, которая в настоящее время является самой продвинутой частью зарубежной русистики... , избегая как негативизма, так и апологетики в отношении национальных достижений». Миронов полагает, что история современной России не является временем «смуты», или «конституционных химер», а нормальным этапом общественного развития страны. Его утверждения, что Россия идет по европейскому пути, только медленно, и что страна не является исключением среди других европейских государств по числу исторических трагедий и драм¹², представляются убедительными и перспективными для дальнейшего изучения проблемы, нежели скорее политизированные, чем научные объяснения того же А.Н. Сахарова или американского историка С. Коэна¹³. Обычные ссылки современных российских политологов и отдельных историков на специфику российской истории (Европа-Азия, суровые климатические условия, запоздалая, по сравнению с Западной Европой, модернизация, «свой путь» с поэтическим «умом Россию не понять» и т.д.) ныне кажутся, прежде всего конъюнктурными соображениями при объяснении кризисных явлений, стремлением уйти от правдивого освещения происходящего. Это

проявляется в большом и весьма конкретном. Поясню это на наиболее близком мне и юбилею казанском примере.

Ныне в Казани историки готовятся к двум большим юбилеям: 200-летию университета (2004 г.), 1000-летию города (2005 г.). Естественно, интерес к истории в таких случаях возрастает. В советское время праздновались три юбилейных университетских годовщины: 125, 150 и 175 лет со дня его основания. К каждому юбилею издавались истории этого одного из старейших российских университетов. Согласно существующей в то время традиции, они писались с классовых позиций в 1930, 1954 и 1979 гг., т.е. главным в деятельности университета было не воспитание им тысяч учителей, врачей и многих блестящих ученых, а участие его воспитанников в революционном движении, прежде всего в большевистском.

С учебой в Казани связаны имена первых советских премьеров: В.И. Ленин и А.И. Рыков были студентами юридического факультета университета, В.М. Молотов – реального училища. Ленин был студентом университета менее одного семестра I курса – с 13 августа по 5 декабря 1887 г. Накануне он участвовал в студенческой сходке, а затем с группой ее активистов подал заявление на имя ректора, в котором просил «изъять» его «из числа студентов императорского Казанского университета» при «настоящих условиях университетской жизни». Правда, позже в неоконченной автобиографии он писал, что тогда был «первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани». Действительно, его и еще более трех десятков студентов тогда арестовали, провели профилактические беседы, как бы назвали это сейчас, и предложили на время покинуть город. Местом своего поселения Ленин избрал дом деда, доктора А.Д. Бланка в деревне Кокушкино, что в 40 км. от Казани. Позже историки назовут участие Ленина в сходке «первым шагом в революцию», а почти годичное пребывание в доме покойного деда, находящегося во владении его дочерей, в том числе и матери Ленина, Марии Александровны, – первой ссылкой.

Заметим, что практика высылки полицией арестованных студентов из Казани по месту их прежнего проживания, или по их предложению, была тогда обычным явлением. В феврале 1901 г. был арестован студент юридического факультета Казанского университета А.И. Рыков за социал-демократическую пропаганду среди рабочих. В сентябре 1901 г. Рыкова из-под стражи освободили и согласно его просьбе отправили под надзор полиции в Саратов.

В 1887 г. студенческие волнения были во многих университетах страны. Студенты протестовали против ненавистной инспектуры, сословных ограничений для получения высшего образования, полицейских расправ с их товарищами. Но из этих многих студенческих выступлений 1887 г. историки выделяли казанскую сходку, прежде всего потому, что в ней участвовал будущий Ленин. Позже Ленин тепло вспоминал казанского марксиста Н.Е. Федосеева и был внимателен к тем участникам сходки, которых помнил, даже если они враждебно восприняли приход большевиков к власти. В 1919 г. в Ростове на-Дону вышла брошюра известного тогда русского писателя Е.Н. Чирикова «Народ и революция». Ленин поместил ее на полке своей кремлевской библиотеки в раздел «белогвардейская литература». Однако памятуя, что Чириков был одним из руководителей студенческой сходки в Казанском университете, зная его литературные произведения, Ленин передал ему частную записку: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден Вас арестовать, если Вы не уедете». Чириков с семьей немедленно эмигрировал из советской России¹⁴.

Ныне к очередному юбилею университета опять пишется его история. Можно лишь надеется, что авторы более объективно разберутся в истории той давней студенческой сходки и попытаются ответить на вопрос, почему именно Казанский университет с 1925 г. носит имя В.И. Ульянова-Ленина, а не Петербургский, юридический факультет которого вождь пролетариата закончил экстерном в 1891 г. Ведь именно тогда был создан один из первых прецедентов политически-конъюнктурного, а не научного изучения биографий советских партийных лидеров. Достаточно вспомнить пропагандистскую кампанию о написанных от имени Л.И. Брежнева воспоминаниях о боях на «Малой земле» под Новороссийском (1943 г.), когда об этом стали писать и говорить намного больше, чем о действительно великих сражениях минувшей войны: Сталинградской, Курской и других битвах, решивших ее исход.

Думается, что следует сместить акценты в изучении истории университета и города: на смену героям-революционерам, должны прийти созидатели, те, кто строил город, составил его научную и культурную славу. Для истории университета и города важны судьбы студентов и профессоров, всех жителей Казани. И не только тех, кто стал политиками первой величины, не только Н.И. Лобачевского и Е.К. Завойского, заявивших о себе мировыми научными открытиями, но всех без конфронтационного исключения. Пора перестать делить общество на красных и белых, понять, что мы живем в принципе в едином мире ценностей, несмотря на разность взглядов в оценках прошлого, или видении будущего. В сентябре 1922 г. управляющий делами ВЧК Г. Ягода (тот, что через десятилетие возглавил это учреждение) представил Ленину для утверждения список высылаемых за границу ученых, писателей, врачей и кооператоров. Всего 69 человек. Первыми в списках значились ректор Казанского университета (1921 г.) А.А. Овчинников, профессор русской истории И.А. Стратонов и декан медицинского факультета Г.Я. Трошин. Они тогда были вынуждены покинуть страну вместе с философами Н.А. Бердяевым и С.Л. Франком, историком А.А. Кизеветтером и многими другими известными в мире учеными. Казанских профессоров обвиняли в том, что они приняли участие в «профессорских забастовках» против нищеты своего существования, в которой тогда оказались. (Заметим, что зарплата профессора в 1921-1922 гг. составляла 20-25% дореволюционной, выдавалась нерегулярно и часто была в 3-4 раза ниже зарплаты дворника). Судьба этих казанцев сложилась за границей по-разному. Стратонов стал автором нескольких томов по истории русской православной церкви. В марте 1942 г. он был арестован в Париже гестапо за антифашистскую пропаганду и сбор средств в помощь советским гражданам, бежавшим из плена, или отбывавшим трудовую повинность на военных заводах. В 1947 г. издававшаяся в Париже газета «Советский патриот» (№ 97) опубликовала некрологи о погибших русских. В списке значились активные участники французского движения сопротивления. Среди них Борис Вильде, Ариадна Скрыбина, Иринарх Стратонов и другие...

Важно обратить внимание и на корпоративность ученых страны, на научное признание тех, кто работал в Казанском университете до революции и остался работать в нем и в последующие годы. В октябре 1918 г. декретом советского правительства были упразднены все дореволюционные ученые степени и звания. Для их подтверждения был объявлен Всероссийский конкурс с обязательными рекомендациями известных властям ученых. В фондах республиканского архива (Казань) сохранились блестящие рекомендации, данные генетиком Н.И. Вавиловым казанскому профессору-ботанику А.Я. Гордягину, биологом И.И. Шмальгаузену – профессору-биологу Н.А. Ливанову, специалистами по аэродинамике Н.Е. Жуковским и С.А. Чаплыгиным – профессору-механику Е.А. Болотову, математиком В.А. Стекловым – профессорам математикам Д.Н. Зейлигеру и Н.Н. Парфентьеву, химиком А.Е. Фаворским – профессору А.Е. Арбузову и др.

Часто политики требуют от историков «кулинарных оценок»: «взвешенной или дозированной» правды, целесообразности той или иной публикации, отказа от той правды, которая «мешает им жить». Прошлое проявляет себя в современной России по-разному. Забыть его нельзя. Поэтому, наверное, не нужно форсировать, насиловать человеческую память и что возможно оставлять так, как есть. В российской историографии последних лет есть ностальгически настроенные исследователи, склонные к идеализации прошлого, однако есть и его беспощадные и решительные критики. Будущее за теми, кто тщательно выверяет известные факты и не хочет лгать в угоду конъюнктуре, или под давлением власти имущих. Будущее за такими историками, как Каштанов, который в наше весьма политизированное время, родившись еще при Сталине, сумел сохранить определенную независимость своих взглядов и создать произведения, которые не могут морально устареть...

Историки Испании в начале 1990-х годов написали большой коллективный труд о консолидации демократии в стране в переходный период. Они обозначили перед собой три задачи, которые следовало разрешить на пути от тоталитаризма к демократии, поставив на первое место не проблемы экономики или социальной политики, а необходимость договориться о прошлом. Конечно, и у них остались идеологические и политические разногласия, но общ